

„Но нравственный законъ самъ за себя отплачиваетъ, когда нарушить его. Сколько я ни старался устроить себѣ медовый мѣсяцъ, ничего не выходило. Все время было гадко, стыдно и скучно“. (ibid.).

Такимъ образомъ, выходитъ, по словамъ самого же проповѣдника, что развратъ, собственно, заключается не въ физическомъ общеніи, а въ освобожденіи себя отъ нравственныхъ отношеній къ той женщинѣ, съ которою вступаешь въ общеніе. Но нравственный законъ, какъ и всегда, не остается въ долгу и казнить развратъ тѣмъ, что общающимся дѣлается „гадко, стыдно и скучно“. Нравственный законъ казнить за развратъ, а развратъ этотъ не въ половомъ общеніи, а въ освобожденіи общающагося отъ нравственнаго отношенія, отъ нравственнаго долга, — слѣдовательно... за что же стыдно-то бываетъ? За пограние долга, но отнюдь не за физическое общеніе, какъ таковое.

„Ей было грусто, тяжело. Вѣроятно ея измученные нервы подсказали ей истину о гадости нашихъ сношеній“. (стр. 300).

„Животныя какъ будто знаютъ, что потомство продолжаетъ ихъ родъ, и держатся извѣстнаго закона въ этомъ отношеніи. Только человѣкъ этого знать не знаетъ и не хочетъ“. (306).

Эти доводы еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ, что нравственный законъ отплачиваетъ за пренебреженіе нравственными обязанностями. Да и какъ же онъ не будетъ отплачивать, когда бѣдная супруга героя забеременѣла въ первый же мѣсяцъ, а ихъ „свиная“ связь продолжалась? Потому и стыдно было, и стыдно было за отступленіе, за то, что Позднышевы не держались въ половыхъ сношеніяхъ того закона, котораго держатся животныя, за то, что они не хотѣли знать мѣры въ половыхъ общеніяхъ, за то, что они предавались половымъ излишествами.

Теперь намъ становится яснымъ, какъ слѣдуетъ понимать мнѣніе Позднышева о неестественности половыхъ общеній даже и въ брачной жизни. Онъ самъ же утверждаетъ, что въ половомъ общеніи нѣтъ разврата, что надо только держаться извѣстнаго закона въ этомъ отношеніи. И надо полагать, что если нравственныя отношенія и извѣстный законъ въ половыхъ общеніяхъ соблюдены, то въ половыхъ общеніяхъ не должно быть разврата, а слѣдовательно и того, что Позднышевымъ было „гадко, стыд-